

Н. О. ЛОССКИЙ

**О возникновении русской революции
и о смысле ее**

В 1917 году в России началась революция, беспрецедентная в истории человечества по своей разрушительности, жестокости, обилию жертв и длительности. Люди, не жившие в России до 1917 года и потому не имеющие представления о тогдашней русской культуре, обыкновенно воображают, будто режим царской России был варварский, жестокий, стесняющий свободу всех граждан во всех отношениях и создающий невыносимые условия жизни для рабочих и крестьян. Такой режим, думают они, неизбежно должен был привести к жестокой революции. Задача моей статьи состоит в том, чтобы отстаивать мысль, что такие представления ошибочны и что революция 1917 г. есть результат несчастного стечения обстоятельств, а вовсе не внутренней необходимости русского исторического процесса.

В жизни русского государства и общества было много внутренних затруднений и недостатков, но те из них, которые могли бы стать причиной революции, постепенно преодолевались естественным процессом развития, и если бы не была тяжелой мировой войны 1914–1918 гг., революция в России не произошла бы.

Начнем с вопроса об экономической жизни России. Граф Коковцев, бывший долгое время министром финансов и в 1911–1914 гг. Председателем Совета министров, говорит в своей книге «Из моего прошлого»¹ о непрерывном и весьма значительном накоплении народного богатства во всех его видах за десятилетие 1904–1913 гг. Возьмем из этой книги только данные о приросте капиталов в Государственных сберегательных кассах, куда вносили свои сбережения мелкие вкладчики. «К началу 1904 г. в них сумма вкладов — денежных и процентными бумагами — составляла 1022 миллиона рублей; к концу 1913 г. она дошла до 2100 миллионов рублей, то есть увеличилась в два раза. Чис-

ло сберегательных книжек возросло за то же время с 4 854 000 до 8 597 000.

Под влиянием мероприятий, направленных к улучшению и интенсификации сельскохозяйственного производства, повышенному потреблению сельскохозяйственных машин и химических удобрений, распространению агрономических знаний, расширению сети агрономических учреждений и т. д., русское крестьянство крепло, увеличивалась устойчивость урожаев и производительность посевов» (Т. II, стр. 378). Рост промышленности был чрезвычайно быстрый; можно было надеяться, что через несколько десятилетий Россия догонит Соединенные Штаты Америки.

В то же время правовое и экономическое положение крестьян было в высокой степени ненормальным. В большинстве губерний было общинное землепользование. Земля принадлежала общине, но делилась на участки, отдаваемые в пользование отдельным семьям, которые обрабатывали их индивидуально. Периодически производился передел земли, и семья, поднявшая урожайность своего участка путем правильной обработки его, лишалась этого участка. Таким образом, община стесняла переход к улучшенному интенсивному сельскому хозяйству, и крестьянам всегда недоставало земли вследствие экстенсивного хозяйства. Исконная жажда увеличения своих земельных участков поддерживала в них убеждение в том, что справедливость требует, чтобы земля была отнята у помещиков и передана им, трудящимся на земле.

Положение крестьянства начало глубоко изменяться, когда в 1906 году Столыпин провел закон, давший возможность крестьянам выходить из общины, получать из нее участок земли в личную собственность и устраивать на ней прочное хуторское хозяйство. В то же время усилился процесс перехода помещичьих земель в руки крестьян путем покупки при содействии Крестьянского банка. Благодаря этим мерам в России образовался бы в короткое время многочисленный класс мелких земельных собственников, которые сделали бы революцию невозможной.

Правовое положение крестьян также было ненормально. После отмены крепостного права, говорит Витте, крестьянин «перестал быть крепостным помещика», но он стал «крепостным крестьянского управления, находившегося под попечительным оком земского начальника» (Воспоминания, т. I, стр. 445). Благодаря Государственной Думе это ненормальное положение подлежало устранению, и Дума третьего созыва начала уже заботиться об улучшении положения крестьян.

Кроме экономических условий, источником революционного брожения в России была борьба против самодержавия. Но и этот

источник революционных настроений очень ослабел после того, как самодержавие было отменено манифестом 17 октября 1905 г. Правда, Государственная Дума первого созыва не могла работать с правительством вследствие крайней политической неопытности русской интеллигенции. Но уже Дума второго созыва, говорит Маклаков в своей книге² о ней, а также Дума третьего и четвертого созыва начала вырабатывать умение сотрудничать с правительством. В особенности по вопросам государственной обороны перед войною 1914 г. и по вопросу о поднятии просвещения это сотрудничество было в высшей степени плодотворно. Согласно закону, выработанному Государственной Думой и Государственным Советом, Министерство народного просвещения должно было получать ежегодно прибавку в десять миллионов рублей специально для целей первоначального народного образования. В 1922 г. эта прибавка составила бы сто миллионов рублей в год и сеть народных школ должна была оказаться достаточной для всеобщего обучения. Этот рост школьного дела был органический. Он состоял не только в постройке новых школ, соответствующих требованиям школьной гигиены, но и в учреждении новых учительских семинарий для подготовки учителей и в устройстве новых университетов. Школы были обеспечены учебниками и учебными пособиями благодаря заботам не только правительства, но и таких земских самоуправлений, которые увлекались задачей вырабатывать пособия для народной школы. Вся эта успешная работа государства и общества была сорвана большевистской революцией. Большевики хвалятся, что ввели в СССР всеобщее обучение; но они ввели его десятью годами позже, чем оно явилось бы без революции; при этом они крайне понизили уровень образования учителей и до сих пор не могут обеспечить школу учебными пособиями.

Борьба между Государственной Думой и старым самодержавным правительством, боявшимся расширения прав Думы, была явлением, подобным тому, что происходило у всех западноевропейских народов. Расширение прав свободы и народного представительства всегда совершается в процессе упорной борьбы со старой властью, которая не доверяет новому порядку до тех пор, пока безопасность и полезность его не обнаружится на деле. В России этот процесс до войны и в начале войны совершался в такой форме, что давал право надеяться на выработку у нас оригинальной и высшей формы демократической конституционной монархии. В. Маклаков в своей книге «Власть и общественность на закате старой России» говорит: «В России были тогда две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, многое правильно

понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собою. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, в их совместной и согласной работе» (585). «Конституция стала воспитывать и власть, и самое общество» (601).

В начале XX века, перед войной 1914 г. главные источники революционного брожения были устранены: экономическое положение России быстро улучшалось, начиналось уравнивание крестьян с другими сословиями, самодержавие было ограничено. Тем не менее в феврале 1917 г. произошла революция. Как она возникла? Революционер Н. Суханов, внимательно наблюдавший все фазы этого процесса, пишет во втором томе своих семитомных «Записок о революции»³: «Революция возникла непосредственно как реакция на неслыханные тяготы войны» (413). И в самом деле, февральская революция возникла стихийно, не по плану, выработанному какой-либо группой революционеров, без захвата власти какой-либо определенной партией. Крайне изнурительная война, бестолковое поведение правительства, назначение государем непопулярных министров, компрометирование царской семьи Распутиным, призыв под оружие пятнадцати миллионов человек и наполнение армии запасными старших возрастов, усилившееся вновь расхождение между правительством, народом и Государственной Думой были толчком к тому, что два полка, Волынский и Литовский, пошли к Государственной Думе, только что распущенной правительством. Дума, понимая, что правительство не в силах подавить восставшую стихию, не подчинилась указу о роспуске и образовала Временный комитет «для водворения порядка в стране».

Можно быть уверенным в том, что если бы не было изнурительной войны, в России не возникло бы вновь глубокое расхождение между народом и правительством и не произошла бы революция. Без войны «революции не было бы», — пишет Маклаков в книге «Первая Государственная Дума» (стр. 11). Вследствие тяжелой войны и вызванных ею нелепых действий правительства пала в феврале 1917 г. царская власть, а вслед за этой политической революцией Ленину удалось в октябре осуществить вторую революцию, социальную, направленную против буржуазии и помещиков. Он достиг своей цели путем бессовестной демагогии, обещая, что при переходе власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов будет немедленно заключен мир, будет произведена конфискация помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель для передачи их крестьянским комитетам, а рабочие получают контроль над производством.

Соблазнив солдат, крестьян и рабочих, большевики свергли Временное правительство. Путем террора и политической полиции,

пронизавшей своим шпионством всю общественную и частную жизнь, они создали такую всевластную диктатуру, которая дала возможность Сталину произвести в 1929 г. третью революцию, наиболее жестокую и кровавую, направленную против последнего класса собственников, против крестьян. Принудив почти всех крестьян стать батраками в совхозах и колхозах, правительство СССР сосредоточило в своих руках всю экономическую, военную и полицейскую силу. Оно стало деспотически эксплуатировать все население, крестьян, рабочих и служащих в такой мере, как это невозможно ни в каком капиталистическом государстве. Вместо демократического коммунизма оно создало рабовладельческий государственный капитализм. Соблазненный демагогией народ не получил и одного из обещанных благ. Вместо мира началась жестокая гражданская война; крестьяне стали крепостными, получающими крайне скудное вознаграждение за свой труд; рабочие тоже оказались прикрепленными к фабрикам и заводам и стали получать за более длительный и напряженный труд меньшее вознаграждение, чем прежде.

В тоталитарном Советском государстве население не только лишилось политической свободы, но и всех гражданских свобод — свободы совести, свободы мысли и слова, даже свободы научного исследования, свободы собраний и союзов, независимого суда. Вместо обилия материальных благ получилась крайняя бедность, потому что безответственное правительство употребляет все силы народа не на удовлетворение его потребностей, а на создание грандиозной военной мощи, на фантастические преобразования страны, на создание пятых колонн во всем мире и на удовлетворение прихотей правящего класса.

Жестокость Советского правительства имеет не зверский, а сатанинский характер. Оно сламывает волю человека не только ужасными пытками, причиняющими физические страдания, но и нравственными пытками, из которых самая страшная — пытка мучениями детей, истязаемых на глазах родителей. Сведения о том, как достигнуто было «сознание» кардинала Миндсенти в несовершеннолетних им преступлениях, показывают, что советская полиция нашла яды, посредством которых можно парализовать влияние воли человеческого «я» на деятельность центров речи и письма и таким образом добиться следующего странного явления: после многократного внушения подсудимому текста «сознания», нужного правительству, язык подсудимого произносит и руки его пишут «сознание», не соответствующее его воле и действительному поведению. Не человеческий ум, а сатанинский изобрел этот способ унижения личности.

Революция 1917 г. произошла не как следствие внутреннего развития русской истории, а как результат несчастного стечения обстоятельств, вызванных внешним фактором — изнурительной войной. В этом смысле она есть дело несчастного случая. Причиняемые революцией страдания русского народа делятся уже тридцать семь лет. Поэтому в уме религиозного человека, признающего Провидение и уверенного в том, что всякое событие имеет какой-нибудь положительный смысл, возникает вопрос: почему Бог допустил такое зло и так долго терпит его? Ради какого добра Он попускает существование столь страшного зла? На этот вопрос историки дадут лет через сто более или менее точный ответ. Но и в наше время можно строить догадки по этому поводу. Попробуем вступить на этот путь.

Экономическое и социальное развитие в наше время решительно поставило человечество перед трудной задачей выработки строя, обеспечивающего большую, чем прежде, социальную справедливость. Давно уже моралисты, напр. Вл. Соловьев, говорят, что каждому человеку должны быть обеспечены материальные средства, необходимые для духовного развития и достойной человеческой жизни. Большинство влиятельных собственников глухи к этой проповеди. Они презрительно называют строй, оказывающий помощь экономически слабым слоям общества, словами «благотворительное государство», «государство подачек» и т. п. Недавно в США напечатана широко распространяемая с целью пропаганды книга Джона Флинна «Путь к социализму»⁴. Автор этой книги искусно внушает читателю мысль, будто такие социальные реформы, как медицинское страхование, постройка дешевых жилищ и т. п., неизбежно приведут к социализму, т. е. к национализации средств производства, и к утрате не только экономической свободы, но и многих других свобод. Несостоятельность рассуждений Флинна можно пояснить следующим сравнением. Положим, кто-либо, увлекаясь естественными методами лечения и поддержания здоровья, каждый день делает легкую гимнастику, совершает неумтомительные прогулки, берет летом воздушные ванны, а потом без совета с врачами берет солнечную ванну и умирает от солнечного удара. Естественные методы поддержания здоровья вовсе не виноваты в этом печальном конце: гимнастика, прогулки, воздушные ванны не обязывают каждого, кто ими пользуются, прибегать и к такому сильно действующему средству, как солнечные ванны.

Книга Флинна, несмотря на свою логическую бессвязность, будет иметь большой успех среди богатых собственников: против социальных реформ она снабжает их доводами, придающими им

видимость борцов за великие блага свободы, а не за свои эгоистические интересы. Сломить их своекорыстие может лишь страх перед революцией. СССР именно и есть пугало, внушающее такой страх. Советское правительство создает грозную военную мощь с целью покорения всего мира, и, мало того, оно насаждает опасные пятые колонны во всех государствах. Страх перед нависшей над всем миром опасностью послужил уже во многих государствах толчком к социальным реформам, а также к освобождению многих колониальных народов и к напряженному исканию новых путей в общественной и государственной жизни.

В течение более чем столетия множество европейцев, включая и русских, фанатически веровали в то, что социализм есть единственное средство осуществления социальной справедливости. В уме многих лиц социализм из средства превратился в самоцель. Пример СССР служит наглядным доказательством того, что перемена субъекта собственности еще не решает вопроса: государство, став единственным субъектом собственности, может еще более эксплуатировать трудящихся, чем частные капиталисты. Надо надеяться, что тяга к социализму, приобретшая характер навязчивой идеи, теперь ослабеет, и уж во всяком случае никто не будет стремиться к стопроцентному социализму. Слишком ясно, что социальная справедливость может быть достигнута не только путем перемены субъекта собственности, а и различными другими способами, напр. посредством всеобщего страхования (план Бевериджа⁵), посредством законов, подчиняющих промышленность общему благу, и т. п.

В наше время опасность эксплуатации труда капиталом очень уменьшилась благодаря возрастающей силе рабочих союзов. Стачки рабочих угольной и сталелитейной промышленности Соединенных Штатов Америки показали, что союзы рабочих обладают большей силой, чем капиталисты-миллионеры. Скоро может подняться вопрос о том, как защитить общество от злоупотребления рабочими мощью их союзов. Говорить о монопольном владычестве капитала в современных подлинных демократиях могут только бессовестные советские клеветники и неумные их попутчики.

Кроме нового экономического строя, перед человечеством стоит еще одна грандиозная задача — создать сверхгосударственное объединение народов. Преодолеть государственный эгоизм, требующий абсолютного суверенитета государства, еще труднее, чем победить эгоизм отдельных лиц. Есть два пути для достижения этой цели. Наиболее простой и сравнительно легкий способ — объединить человечество путем насилия, т. е. посредством мощной вооруженной силы. Эту задачу ставит себе СССР. Другой способ

объединения человечества, благородный, но крайне трудный, — создание сверхгосударственной организации путем свободного соглашения народов.

Бескорыстное стремление к миру и гармоническому сотрудничеству всех народов есть мотив, слабо действующий на волю человечества. Гораздо могущественнее влияет страх совсем утратить свободу, не только государственную, но и свободу всей жизненной деятельности. Военная сила чудовищной деспотии СССР внушает этот страх и побуждает человечество ускорить создание сверхгосударственной организации путем ряда свободных соглашений. Провидение использует таким образом зло русской революции для благих целей.

Каковы бы ни были полезные для человечества следствия русской революции, они достигаются путем безмерных страданий русского народа, и потому для нас, русских, возникает мучительный вопрос, почему же именно Россия послужила лабораторным кроликом для социальных экспериментов и пугалом для других народов. Есть внешний повод к тому, чтобы именно России было суждено стать жертвой исторического процесса. Только такое громадное государство, как Россия, владеющая одной шестой частью света с самыми разнообразными естественными богатствами, может в течение десятков лет выносить убийственный опыт стопроцентного социализма, воспитать у остальных народов миллионы опасных мечтателей, желающих строить тоталитарный муравейник, и дать урок неосуществимости этой утопии. Кроме этого внешнего повода для мучительной судьбы России, должно существовать еще внутреннее, из самой природы русского народа вытекающее основание выпавших на его долю страданий. Ответом на этот вопрос могут быть только догадки, опирающиеся на многостороннее исследование характера русского народа и русской истории. Но и после такой попытки понять провиденциальный смысл русских страданий пришлось бы в дополнение к своим домыслам сказать: неисповедимы пути Господни.

Без сомнения, тяжки грехи русского народа, следствием которых явилась печальная судьба наших собратьев, живущих в СССР, и нас, находящихся в эмиграции. Однако надо надеяться, что грехи эти искуплены длительными страданиями и близится час освобождения России от безбожной и бесчеловечной власти. Если это освобождение произойдет не путем внутреннего переворота, а вследствие войны, судьба России как государства будет в значительной мере зависеть от союза демократий, которые победят большевистскую власть. Если победители будут отождествлять Советское правительство и русский народ, тогда они будут бояться

России как великого государства, считая ее неисправимым агрессором. В таком случае они будут стараться раздробить Россию на несколько самостоятельных государств и, следовательно, увеличат в мире число враждующих между собою государственных единиц. Такая ошибка была бы особенно выгодна для антидемократических сил, которые будут мечтать о реванше.

Кто знает характер русского народа, тот понимает, что он несчастная жертва фанатиков марксизма, воспитавшихся в подполье, а не творец коммунистической деспотии. По природе своей русский народ склонен к осуществлению демократического строя. Вся история мысли, искусства и стремлений русского общества в XIX и начале XX века бесспорно свидетельствует об этом. К тому же русский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых народов. Значительная часть огромной территории русского государства приобретена не путем завоевания, а путем мирной колонизации. Когда русскому народу удастся организовать демократический строй, в котором политика есть подлинное выражение воли граждан, Россия станет членом семьи народов, наиболее способным гарантировать мир, заботу о социальной справедливости и всеобщем благе.

